

В ЭТОМ НОМЕРЕ 12 СТРАНИЦ.

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 476

16 JUILLET 1954

Les Nouvelles Russes

Выходит по пятницам

10-й ГОД ИЗДАНИЯ
DIXIÈME ANNÉE.

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

40 frs

ОСНОВАТЕЛЬ А. Ф. СТУПНИЦКИЙ

Адрес Редакции и Конторы : 16, rue du Croissant — PARIS 2 — Tél.: CEN. 44-27.

Fondateur A. Stoupnitzky

ЧЕХОВ
накапливание
и научная раз-
работка об-
ширной пере-
писки, доку-
ментов и друг. материалов, каса-
ющихся А. П. Чехова, дают
возможность подробно изучить
жизнь и литературную работу по-
койного писателя. Даже такая,
до недавнего времени мало иссле-
дованная область, как деятель-
ность Чехова — врача, не оста-
лась без внимания специалистов,
и в настоящее время имеется
уже и на французском языке ин-
тересная научная работа д-ра
Дюкло: «Антон Чехов — врач и
писатель».

В недавней изданной в Москве
книге врача В. В. Хижнякова
«А. П. Чехов как врач», автор
приходит к заключению, что «Че-
хов — врач и Чехов — писатель не
отделимы один от другого: «Па-
лату № 6», «Черного монаха» и
«Припадок» мог написать только
врач». Замечание, несомненно,
правильное, хотя оно и не
включает многих других произве-
дений покойного писателя: до-
статочно напомнить такие значи-
тельные вещи, как «Случай из
практики», «Сельские акула-
ны», «Мертвое тело», «Скорая
помощь» или «Скучная исто-
рия», не говоря уже о десятке
мелких рассказов, где врач и
медицина отведены особое место
в сюжете. Галерея портретов вра-
чей у Чехова, пожалуй, богаче,
чем у кого бы то ни было из дру-
гих русских писателей: Астров,
Ионыч, Дымов, Соколов, Львов,
Челобуткин, Самойленко... А
сколько незабываемых портретов
больных! В одном из писем Че-
хова, после появления в печати
рассказа «Именины», он писал:
«Своими «Именинами» я уго-
дил дамам. Право, не дурно быть
врачом и понимать то, о чем пи-
шешь! Дамы говорят, что роды
описаны верно».

Чехов окончил таганрогскую
гимназию в 1879 году. Сохра-
нился гимназический список уче-
ников, получивших в этом году
аттестат зрелости, где в графе:
«В какой университет, и по какому
факультету или в какое высшее
специальное училище желает
поступить» против фамилии
Чехова Антона записано: «в Мос-
ковский университет, по меди-
цинскому факультету». Впоследствии
Чехов писал об этом так:

«О факультетах имел я тогда
слабое понятие и выбрал меди-
цинский — не помню по каким
соображениям, но в выборе по-
том не раскаивался».

О своем медицинском образо-
вании и о своей врачебной прак-
тике Чехов писал в 1899 г. своему
бывшему товарищу по фа-
культету, а в то время уже из-
вестному московскому профессору
— психиатру Г. И. Россолимо:
«Не сомневался, занятия меди-
цинскими науками имели серь-
езное влияние на мою литерату-
рную деятельность: они значитель-
но раздвинули область моих на-
блюдений, обогатили меня зна-
ниями, истинную цену которых
для меня, как для писателя, мо-
жет понять только тот, кто сам
врач; они имели также и направ-
ляющее влияние и, вероятно,
благодаря близости к медицине,
мне удалось избежать многих
ошибок».

Летом 1884 года Чехов окон-
чил университет и тотчас же вы-
ехал в Вознесенск (захолустный
городок под Москвой) к своему
брату Ивану, учителю местной
школы. Здесь, в земской больни-
це молодой врач стал производ-
ить прием больных под руковод-
ством известного врача Архан-
гельского.

В следующем году Чехову при-
шлось уже вполне самостоятель-
но заведывать земской больни-
цей в Звенигороде (уездном горо-
де Московской губ.), где Антон
Павлович заменил уехавшего в
отпуск врача. Тут, помимо лече-
ния, Чехов должен был еще ез-
дить на вскрытия, выступать экс-
пертом на суде и т. д. Все это да-
вало ему материалы для наблюде-
ний, из которых выросли затем
такие известные рассказы, как
«Хирургия», «Беглец», «Перне-
туум мобиле», и др.

Некоторые письма Чехова за
1884 - 85 - 86 и 87 годы ясно
показывают, как ранние художе-
ственные произведения Чехова
питались теми наблюдениями, ко-
торые доставляла ему врачебная
практика. Иные письма произво-
дят впечатление подлинных эски-
зов для задуманного писателем
рассказа. Таковы, например, те
строки письма к Лейкину из Воз-
несенска, где он описывает по-
ездку на вскрытие:

«Сейчас приехал с судебно-
медицинского вскрытия, бывше-
го в 10 верстах от В. Едиди на
Балихваской тропке кучино с
дрыхлым, еле дышащим и за вет-
хостью никуда годным судебно-
м следователем, маленьким,
седеньким и добрейшим существом,
мечтающим уже 25 лет о ме-
сте члена суда...» и т. дал. Впо-
следствии вся Россия прочла это
в рассказах «Скорая помощь» и
«Мертвое тело».

О врачебной деятельности Че-
хова в Москве сведения чрезвы-
чайно скудны; наоборот, они до-
вольно обильны о его врачебной
работе в Чикине, Бабкине, в Воз-
несенске, Звенигороде. Известно
только, что возвращаясь на зиму
в столицу, Чехов, несмотря на ли-
тературные успехи, продолжал
усиленно заниматься врачебной
практикой. В 1885 году он пи-
сал своему дяде в Таганрог:

«Лечу и лечу... Знакомых у ме-
ня очень много, а стало быть, не
мало и больных. Половину прихо-
дит лечить даром, другая же
половина платит мне пяти — и
трехрублевки. Капитала, конечно,
еще не нажил и не скоро на-
живу, но живу сносно и ни в
чем не нуждаюсь. Если буду жив
и здоров, то положение семьи
обеспечено».

Эти заботы о «положении се-
мьи» (матери, сестры, братьев)
были причиной того, что в лече-
ние еще целого ряда лет писа-
тель Чехов не решался расстать-
ся с деятельностью врача и да-
же, судя по переписке, склонен
был из двух профессий, — врача
и писателя, — отдать предпочтение
первой: в 1888 году, когда
имя его было уже широко извест-
но в литературных кругах, Че-
хов писал Суворину, советовав-
шему ему бросить, наконец, меди-
цину: «... я чувствую себя бо-
лее и довольнее собой, когда со-
знаю, что у меня два дела, а не
одно: медицина — моя закон-
ная жена, а литература — лю-
бовница; когда надоедает одна, я
ночую у другой».

Это несколько рискованное со-
поставление, довольно верно ха-
рактеризует тогдашнюю «раз-
двоенность» Чехова. В медицине
свою «законную жену», он ве-
рил; в писательском же труде до
го времени сомневался. Врачи у
Чехова всегда окружены оре-
лом: достаточно вспомнить Ас-
рова, или героя «Скучной исто-
рии». Кроме того, как он пишет
в питерском уже выше пись-
ме к проф. Россолимо, Чехов и в
своей писательской работе «ста-
рался, где было возможно, сооб-
ражаться с научными данными,
а где невозможно — предпоче-
тал не писать вовсе».

«К беллетристам, относящим-
ся к науке отрицательно», — до-
бавляет он тут же, — «я не при-
надлежу, а к тем, которые до все-
го доходят своим умом, не хотел
бы принадлежать».

Таким образом, спасаясь от со-
мнений в писательской работе,
Чехов ищет опоры в «законной
жене», помогающей ему «микро-
скопом, скальпелем и зондом»,
найти манеру писания: «Я состав-
ляю материал, — пишет он о сво-
ей работе, — хороший он или
дурной, все равно: я для людей,
посвятивших себя изучению жиз-
ни, так же нужен, как для астро-
нома звезда».

Летом 1892 г., когда Чехов
проживал в недавно приобретен-
ном небольшом имении Мелехо-
во, под Москвой, он неожиданно
принял (и притом без содержа-
ния) обязанности участкового са-
нитарного врача. Это было тре-
бование время ожидания холеры,
— эпидемии, довольно часто сви-
ренствовавшей тогда в разных
углах России. «Участок» его за-
ключал в себе 25 деревень, 4 фа-
брики; приходилось много прини-
мать на дому и часто разъезжать.
В течение нескольких месяцев
Чехов прекрасно организовал де-
ло, всецело отдавшись ему и со-
вершенно забросив литературу.

О своем пребывании в Мелехо-
во будущий автор мрачных «Му-
жиков» писал:

«С мужиками я живу мирно, у

меня никогда ничего не крадут,
и старухи, когда я прохожу по
деревне, улыбаются и крестятся.
Я всем, кроме детей, говорю вы,
но главное, что устроило наши до-
брые отношения, это — медици-
на».

Но это Чехов говорил только
о своих соседях, мелеховских му-
жиках. О себе в это же время он
писал совсем иначе:

«Душа моя утомлена. Скучно!
Не принадлежать себе, думать
только о поносах, вздрагивать по
ночам от собачьего лая и стука в
ворота (не за мною-ли приеха-
ли?), ездить на отвратительных
лошадях по неведомым дорогам,
читать только про холеру и
ждать только холеры, и в то же
время быть совершенно равно-
душным к сей болезни и к тем лю-
дям, которым служишь, — это,
сударь мой, такая окрошка, от ко-
торой не поздоровится» (письмо
к Суворину, 1892 г.).

Через год — те же жалобы:
«Не хорошо быть врачом. И
страшно, и скучно, и противно.
Молодой фабрикант женился, а
через неделю зовет меня: «не-
применно, сию минуту, пожалуй-
те!»... Все это противно, должен
вам сказать. Девочка с черня-
ком в ухе, поносы, рвоты, сифи-
лис — тыфу!! Сладкие звуки и
поэзия, где вы?».

Не следует, однако, думать,
что мелеховские жалобы Чехова
рождались на почве неудовлетво-
ренности тогдашним состоянием
медицины или земской санита-
рии. Наоборот, успехи медицины
его восхищают:

«Я устался от восторга», —
пишет он в это же время, — «чи-
тая про холеру. В доброе старое
время, когда заболевали и умира-
ли тысячами, не могли и мечтать
о тех поразительных победах, ка-
кие совершаются теперь на на-
ших глазах».

Характерно, что о себе, как о
враче, Чехов был всегда более
соллидного мнения, чем о себе же,
как писателе. При отличавшей
его исключительной писатель-
ской скромности, он все же под-
час не стеснялся хвалиться пер-
ед друзьями своими врачебны-
ми успехами, и даже в ялтин-
ский период своей жизни обижал
ся иногда, когда, падая его силы
и время, друзья отказывались от
его врачебной помощи.

Послав Суворину (в уплату за
старый долг) свою повесть «Ду-
эль» и получив от него одобри-
тельный отзыв, Чехов пишет:

«Вам рассказ нравится — ну,

слава Богу! В последнее время
я стал чертовски мнитель. Мне
все кажется, что на мне игнаны
скверные, и что я пишу не так,
как надо, и что даю больным не
те порошки...»

Писано это в 1896 году: пови-
димому врачебной практики Че-
хов все еще не прекращал.

Но вот Антон Павлович забо-
дел сам: с ним «случился скан-
дал», как он пишет в одном из
писем: горлом хлынула кровь, и
пришлось лечь в клинику Остро-
умова...

«Клонит мою головушку на по-
стельку», — пишет он теперь в
другом дружеском послании.

Мелехово необходимо было по-
кинуть, и переезд в Ялту сделал-
ся нужным, как лечение. В пись-
мах больному, обычно до того та-
ких шуточных и веселых, все ча-
ще проскальзывают теперь жало-
бы на свою горькую судьбу:

«Нет числа недугам моим»...
«Бываю здоров не каждый
день»... «Надоело собственное
присутствие»... «Здоровья своего
я не понимаю»...

Но из следующего же письма
видно, что, как врач, он отлично
«понимал» свое здоровье:

«Вы совершенно верно изволи-
ли заметить», — пишет он не без
проницания в этом письме, — «что у
меня «истерия», только истерия
моя в медицине называется ча-
хоткой»...

Больной едет за-границу, в Ве-
нию, в Ниццу, в Париж (где
«климат очень здоров, особенно в
«Moulin Rouge»); он мечется по
свету в поисках солнца, в поис-
ках чистого воздуха для своей
больной груди. Чехов долго бо-
лел, отлично предвидя, как врач,
фатальный конец своей болезни.
Об этом читатель наш прочтет се-
годня в другом месте.

За два года до смерти Че-
хов — врачу довелось пережить не
сколько глубоко радостных дней:
в Москве происходил Пирогов-
ский съезд врачей, и Московский
Художественный театр пригласил
его участников, съехавших-
ся в столицу со всех концов Рос-
сии, на торжественный спек-
такль. Ставили «Дядю Ваню». Конечно,
выбор этот был не слу-
чаен: гостям предлагалось посмо-
треть пьесу, написанную врачом,
и с врачом же одним из главных
действующих лиц.

По воспоминаниям очевидцев,
спектакль этот прошел с исклю-

чительным подъемом. В судьбе
доктора Астрова, жадно любяще-
го жизнь, но страдающего беспро-
светной тоской глухого захолю-
стья, съехавшиеся из разных
медвежьих углов земские врачи
увидели, как в зеркале, свою соб-
ственную тяжелую жизнь. Мно-
гие плакали. Волнение было не-
обыкновенное. Все это действова-
ло и на артистов, которые играли
с исключительным подъемом.

Чехову прямо из театра были
посланы две телеграммы: одна
гласила — «Земские врачи глу-
хих углов России, видевшие в ис-
полнении художников произведе-
ние врача-художника, приветст-
вуют товарища...» и т. д. Вторая
телеграмма, чрезвычайно лест-
ная для писателя и врача, была
от виднейших докторов того вре-
мени, по преимуществу столич-
ных. Это был триумф.

«Медицина ему мешает», —
сказал однажды Л. Н. Толстой о
Чехове, но сам Чехов, как видно
из всего сказанного выше, об
этом думал иначе. И имел для
этого все основания.

Чехов — писатель относился к
своему призванию, как добросо-
вестный врач — практик, который
переходит от одного пациента к
другому, выслушивает, ощупает
пульс, качает головой и т. д. Вра-
чебная профессия помогла Че-
хову, в самый важный период
формирования его литературного
дарования, войти в тесное сопри-
косновение с глубинами текущей
жизни как городского обывателя:
чиновника, интеллигента, купца,
мещанина, так и помещика, кре-
стьянина и рабочего. В их сре-
ду, в их семьи Антон Павлович
приходил не как гость, когда все
прибрано и приглашено, а как
врач — в самые неожиданные и
критические моменты, когда бо-
лезнь и страх за близкого челове-
ка заставляют людей скинуть с
себя привычную личину и обна-
жить свою подлинную сущность и
свой подлинный быт.

Многие, писавшие о Чехове,
сравнивали его картины дорево-
люционной России — с диагно-
зом болезни, сделанным опы-
тным и внимательным врачом: все-
сторонне, последовательно, стро-
го объективно и беспощадно
правдиво, без каких-либо на-
люзий, способных лишь обмануть
и оставить болезнь не вскрытой.
Если перечитать или вспомнить
такие вещи Чехова, как «Моя
жизнь», или «Скучная история»,
или «Человек в футляре», или
«Дядя Ваня», «Вишневый сад»,
и др. — невольно напрашивается
вывод, что жизнь России в ту
мрачную пору напоминала тяж-
ко больного человека, для из-
лечения которого не было друго-
го средства как «переменишь ре-
жим».

А. Потоцкий.